Комментарий № 10
7 февраля 2018

«Проблема Европы»: спорные границы политических регионов и Евразия

Пол Хансбери

Содержание

1 Украина как «проблема Европы»
2 Украина как «проблема Евразии»
3 Выход дракона

Несколько недель назад президент Казахстана Нурсултан Назарбаев сделал заявление о возможности переноса переговорной площадки по мирному урегулированию ситуации в Украине из Минска в Астану. Вероятно, отвечая на предположение президента США Дональда Трампа о том, что переговоры должны проводиться в новом месте, Назарбаев заявил: «Давайте в Казахстане, как изначально должно было быть». Хотя маловероятно, что новые переговоры по Донбассу начнутся в Средней Азии, возможная готовность Трампа поддержать подобную идею говорит о сдвиге восприятия региональных границ по сравнению с ноябрем 2013 года. То есть с тех пор, когда бывший президент Украины Виктор Янукович приостановил процесс заключения Соглашения об ассоциации между Украиной и Европейским союзом, что вызвало волну протестов, смещение Януковича с должности и войну.

Украина как «проблема Европы»

И место, и страны-участницы переговоров оказывают некоторое влияние на восприятие сторонними наблюдателями принадлежности Украины к тому или иному политическому региону. В географическом плане Европа простирается до Урала и охватывает густонаселенную часть России, выталкивая Казахстан через мысленную границу в Азию. Однако политически регион Европы ассоциируется с Евросоюзом. Эта тенденция была очевидной задолго до нынешней напряженности между Россией и западными столицами. Выработке такого видения способствовало смягчение границ между членами ЕС и его соседями и

распространение методов управления ЕС (external governance) за пределами внешних границ Евросоюза. Хотя кризис беженцев в каком-то смысле обратил прежнюю тенденцию.

У многих укоренилось такое не совсем строго фиксированное восприятие политического европейского региона. В рамках предвыборной кампании в 2015 году, претендуя на роль кандидата от Республиканской партии, Трамп назвал Крым «проблемой Европы». Он тогда задал вопрос, почему Германия не играет ведущей роли в разрешении кризиса. Это импровизированное замечание говорит о том, насколько центральной роль Германии выглядела в устоявшемся у Трампа политическом видении Европы.

> Еще раньше, когда демонстранты стояли на Майдане в Киеве в конце 2013 года и начале 2014 года, было ясно, что и лидеры ЕС рассматривали Украину в качестве европейской проблемы.

Руководство Евросоюза вначале поддержало протестующих в Киеве, а затем способствовало заключению первого, безуспешного, Минского протокола, стремясь остановить войну на Донбассе. Единая позиция по Украине давалась ЕС непросто, но все же сохранялась. Санкции против России, впервые введенные после аннексии Крыма, неоднократно продлевались. А в июле 2017 года вступило в полную силу пересмотренное Соглашение об ассоциации между ЕС и Украиной. Однако в начале 2018 года, пока страны ЕС сосредоточились на внутренних проблемах, место Украины в европейской повестке дня снижается. В последние месяцы внимание к ситуации на Донбассе заметно угасло.

Украина как «проблема Евразии»

О «концах» Европы – как пространственных, так и политических – идет речь в заключении к работе Калипсо Николаидис 2014 года [i]. Она задается вопросом, хотим ли мы, чтобы Европа (отождествляемая с ЕС) была ограниченной или неограниченной, и должно ли членство в ней быть инклюзивным или эксклюзивным. Версия ограниченной, эксклюзивной политической Европы, похоже, доминирует.

И если политическую Европу определяет ЕС, то в том же духе «евразийские» региональные организации формируют наше представление о политической Евразии. И, судя по термину, используемому журналистами и комментаторами,

понятие «Евразия» явно не совпадает с географической территорией. «Евразийская интеграция» подразумевает политическую Евразию, за пределами которой располагается ЕС.

В конце 2011 года президент России Владимир Путин изложил свое видение Евразийского экономического союза. Примечательно, что, несмотря на очевидные разногласия, существовавшие между Россией и другими европейскими государствами задолго до кризиса в Украине, Концепция внешней политики РФ 2013 года описывала Россию как «неотъемлемую, органичную часть европейской цивилизации». А Концепция 2016 года, составленная на фоне напряженности между странами НАТО и Россией, говорила уже об отдельных «европейских и евразийских регионах».

В этом смысле место для ведения переговоров по Украине имеет значение. Какой бы тесной ни была связь Беларуси с Россией, лидеры ЕС по-прежнему рассматривают Беларусь как часть европейского региона. Более того, белорусский президент настойчиво подчеркивает европейское месторасположение Беларуси. Комментарий Александра Лукашенко еврокомиссару Йоханнесу Хану 30 января 2018 года был типичным: «Наша страна находится в самом сердце, в самом центре Европы».

> Здесь есть созвучие с идеей того, что Украина также является частью Европы, и, таким образом, есть преемственность с более ранним политическим восприятием региона.

Идея же Казахстана, напротив, диссонирует, привлекая внимание к своему неевропейскому характеру. Из этого следует, что лидеры ЕС, вероятно, не согласились бы на перенос переговорной площадки.

Однако какими бы маловероятными ни выглядели предложения Астаны по Украине, они, скорее всего, подразумевают нечто большее, нежели простой перенос площадки. В переговорах в Минске приняли участие Франция, Германия, Россия и Украина – так называемый «нормандский формат». А США оставались на заднем плане.

Поэтому если бы Трамп поддержал идею Назарбаева, то это можно было бы интерпретировать как сигнал о готовности пересмотреть и «нормандский формат». Интерес администрации Трампа к Украине, похоже, усиливается. В конце декабря США согласились продать оружие украинскому правительству. Позже Вашингтон отреагировал на призывы России к организации

миротворческой миссии ООН, опубликовав собственные предложения. А недавно США ввели новые санкции в отношении российских компаний и физических лиц из-за событий в Украине.

Выход дракона

Сохраняющейся взаимозависимостью бывших советских республик объясняется продолжающееся использование понятия «постсоветское пространство» (где «пространство» выглядит как синоним политического региона). С одной стороны, Беларусь и Украина были частью Советского Союза. С другой стороны, они долгое время рассматривались как геополитическая линия разлома. С точки зрения Сэмюэля Хантингтона, линия цивилизационного разлома пересекает обе эти страны, обозначая границу между западным и восточным христианством, которая могла восходить к периоду, предшествовавшему Реформации.

Ментальная карта Европы и Азии с «постсоветским пространством» между ними давно уже кажется анахронизмом. Сегодня восприятие «Евразии» в качестве политического региона вырастает до громадных размеров, даже если динамика между Россией и Китаем остается неясной. Занимает ли Евразия политическое пространство между Европой и Азией? Или же Евразия включает в себя Азию? В любом случае Средняя Азия имеет решающее значение для пересмотра наших ментальных карт. Каким бы случайным ни было предложение Назарбаева, оно дает почву для дополнительного анализа.

Перенос переговорной площадки в Астану вытолкнул бы Украину в восприятии иностранцев еще дальше за пределы политической Европы. Это подчеркнуло бы, что она остается частью еще недостаточно четко определенного политического евразийского региона. А это уже эксклюзивное определение Евразии, исключающее ЕС. То есть постсоветская Евразия.

Если восточная граница ЕС начнет определяться как евразийская, это станет реальной проблемой Евросоюза. Будучи неуверенным в том, где находится его политическая периферия, ЕС сам рискует стать периферийным – спорным «пространством» между Китаем и США.

Пол Хансбери - *ассоциированный сотрудник экспертной инициативы «Минский диалог».*

---

[i] Kalypso Nicolaidis 2014, ‘Europe’s Ends’ in Claudia Wiesner and Meike Schmidt-Gleim (eds.), *The Meanings of Europe: Changes and Exchanges of a Contested Concept* (Routledge: London and New York)

Пол Хансбери
Ассоциированный сотрудник, Совет по международным отношениям «Минский диалог»